

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 39, Is. 1, pp. 196-203, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(430)"15/19"

Prussian phenomenon and its historical distortion

Oleg Y. Plenkov^{a,*}, Vladimir N. Baryshnikov^a, Viktor N. Borisenko^a, Vladimir L. Piankewich^a,
Nina E. Adamova^a

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article deals with the phenomenon of Prussia. Once, Prussia had been the largest continental Protestant state in Europe. The main issue of this phenomenon is that upon the tragic events of the World War II Prussian history and heritage had been considerably distorted, in order to compensate somehow for the dreadful casualties suffered by the victorious powers. The common European misconception implied that Prussia had been the bulwark of militarism, and therefore had to bear all the responsibility for the atrocities of war.

Unfortunately, the majority of modern German historians share such misinterpretation of Prussian heritage in order to please false political correctness, perhaps, as an act of contrition for National Socialism and its crimes.

However, the Prussian tradition and history go far beyond this militarism, and this article explains what ways. The authors believe that there should not be any prejudices and biases, that any subject should be examined sine ira et studio. Moreover, given that it is possible to characterize the Great French Revolution as a juristic one, and the Great October revolution – as a social one, the Prussian revolution “from above”, led by the first representatives of the Hohenzollern family, may be well considered as a pedagogical revolution. This revolution did bring definitely positive changes; they are surveyed in the article. The French Revolution has not eliminated the covetousness of the bourgeoisie after 1789; despotism of the authorities and people’s passiveness similarly have remained unaltered in Russia after 1917. On the contrary, Federal Republic of Germany of nowadays, distinctive for its law, order and effective responsible government is unthinkable without Prussian heritage.

Keywords: Prussia, Federal Republic of Germany, pietism, Prussian Enlightenment, the Hohenzollern dynasty, Friedrich II, Weimar Republic, Nazism.

1. Введение

После Второй мировой войны наследие и история Пруссии были полностью пересмотрены. Прусские добродетели – традиционная толерантность, правопорядок, прусское Просвещение стали замалчиваться, что привело к значительному искажению исторической картины Пруссии в угоду политическим целям.

Все дело в обстоятельствах кончины Пруссии. История знает разные формы исчезновения государств: вхождение в состав другого государства, объединение нескольких независимых государств в конфедерацию, наконец – полное исчезновение, как произошло с Карфагеном после завершения Третьей Пунической войны. Пруссии была суждена именно такая участь – 20 февраля 1947 г. она была ликвидирована решением СКС (Союзного контрольного совета) с тем обоснованием, что это

* Corresponding author

E-mail addresses: o.plenkov@spbu.ru (O.Y. Plenkov), v.baryshnikov@spbu.ru (V.N. Baryshnikov),
v.borisenko@spbu.ru (V.N. Borisenko), v.pyankewich@spbu.ru (V.L. Piankewich),
n.adamova@spbu.ru (N.E. Adamova)

государство милитаристское, агрессивное, империалистическое. Разумеется, это решение было эмоциональным, обусловленным горьким опытом войны и связанными с ней жуткими потерями, а также было обусловлено страхом перед распространением реваншизма в связи с выселением многомиллионного населения немцев с востока Европы. Но почему именно Пруссия, а не какое-либо другое немецкое государство? В чем причина того, что Пруссия стала объектом ненависти, или, по крайней мере, подозрения и недоверия соседей? В этом следует разобраться, обратившись к далекому теперь прусскому прошлому.

2. Материалы и методы

2.1. Поскольку объектом исследования в данной статье является не только сама прусская новая история XVII-XIX вв., но и немецкая историография и ее реакция на рассматриваемый предмет (пруссские древности и их место в немецкой истории), то источником послужили изданные в ФРГ публикации по этой теме. Такой выбор источников позволяет раскрыть эволюцию восприятия Пруссии в современной Германии, попутно показав многочисленные «политкорректные» искажения прусской традиции в угоду немецкому покаянию за нацизм и преступления в годы Второй мировой войны.

2.2. В работе использован сравнительно-исторический метод, в целом исследование построено на принципах историзма, объективности, сравнительного метода и хронологического порядка.

3. Обсуждение

С недавних пор заметные упущения в изучении прошлого Пруссии и определении ее места в истории в немецкой историографии стали постепенно наверстываться – примером тому являются публикации известных немецких историков Марион Денхофф ([Dönhoff, 2009](#)), Лотара Галла ([Gall, 2007: 355-372](#)), Томаса Ниппердея ([Nipperdey, 1993](#)), блестящего публициста Себастьяна Хаффнера, его коллеги историка Вернера Венора ([Haffner, 1989; Haffner, 1980](#)), прочие публикации ([Epkenhans, 2011; Preußen, 2008](#)). Особенно большой всплеск интереса к Пруссии наблюдался в 2012 г., когда исполнилось 300 лет со дня рождения Фридриха Великого ([Kugler, 2012](#)). Значительный вклад в ревизию прежних взглядов на Пруссию внес, что характерно, не немец, а австро-английский ученый из Кембриджа (Англия) Кристофер Кларк ([Clark, 2007](#)). Он смог представить прусскую историю не как олицетворение адской милитаристской машинерии, а как составную часть немецкой истории, которая, как и всякая другая национальная история представляет собой уникальный *Sonderweg* (особый путь) с его позитивными и негативными явлениями и традицией.

В связи с этим повышением интереса к прусскому прошлому и в отечественной историографии стали появляться некоторые работы, переосмысливающие феномен Пруссии и его роль в истории Германии ([Крейцберг, 2012: 95-99; Вишнеv, 2012: 100-103](#)).

4. Результаты

Последовательно рассмотрим те примечательные свойства прусского государства, которые часто ему ставили в вину.

Прусский экспансионизм. Прежде всего, с Пруссией связано представление о германском рейхе немецкой нации. В противовес Пруссии Священная Римская империя германской нации была некоторое время общегерманским мифом-мечтой о немецком господстве в Европе, даже в годы Веймарской республики некоторые историки поэтически прославляли военные походы Гогенштауфенов, грезы о восстановлении империи Карла Великого (768–814). Эти мечты, однако, никакой реальной основы под собой не имели. Напротив, именно на востоке Европы немцы добились многого в процессе колонизации, которая смела старую границу между рейхом и славянами, которая прежде проходила по Эльбе. Пруссия постепенно превратилась в оплот немецкого владычества на славянских землях.

Также, как и австрийский, прусский империализм с его экспансионизмом не является чем-то уникальным, активный экспансионизм исповедовали по сути все европейские державы в XVIII в. Крайне неблагоприятные условия экспансии (преобладающее славянское окружение, немногочисленность колонистов, отсутствие естественных укрытий на восточных равнинах, отсутствие поддержки со стороны метрополии) требовали особых качеств — постоянной готовности к борьбе, дисциплины, самоконтроля, напряжения воли, предвидения, осторожности, то есть всех тех прусских качеств, которые долгое время были объектом восхищения в Европе. К тому же Пруссия выступила духовным наследником Немецкого ордена, который хотя и умер, но оставил свои духовные принципы и организацию.

Именно на этой основе и сформировался прусский империализм (если под империализмом понимать готовность к неограниченной внешней экспансии) и прусский милитаризм (“милитаристскими” в XVIII в. были по сути все европейские державы). Можно ли свести милитаризм только к феномену немецко-прусской истории? Очевидно нет, поскольку многие исторические эпохи у разных народов подпадают под подозрение в милитаризме – Александр Македонский, Спарта, Чингисхан, Кромвель, европейские монархии XVII века (Швеция, Россия, Франция), Наполеон,

Франция в период дела Дрейфуса, Япония в первой трети XX века. Все эти феномены выказывают полное родство с милитаризмом.

Специфику немецкого экспансионизма определило центральное геополитическое положение Германии. Немецкий историк Эрих Нольте остроумно выделил три разновидности экспансионизма. Первая разновидность — это планомерный захват заморских территорий венецианцами, испанцами, португальцами, голландцами, англичанами; вторая — это территориальные захваты русских и американцев; и третья — это прусская восточная колонизация. Прусская колонизация в первой фазе была аннексионистской, а во второй способствовала внедрению более высокой формы экономической и политической организации среди христианских народов, иными словами, имела большое цивилизаторское значение. Этим она отличалась от русских территориальных захватов в Восточной Европе, которые не способствовали экономическому развитию и политической модернизации (Nolte, 1963: 37).

У Пруссии было и значительное ограничение в экспансии, которое остроумно сформулировал Бисмарк. Когда в 1888 г. один из сторонников активной колониальной политики Германии в Африке разложил перед Бисмарком карту и стал описывать преимущества обладания разными природными богатствами этого континента, Бисмарк сказал, что «моя карта Африке в Европе. Здесь Россия, а здесь Франция, а мы в середине. Вот моя карта Африки» (Haffner, 1989: 71; Иваняков, 2006: 149-150).

Прусская служебная этика. Пруссия представляла собой самое крупное протестантское государство континентальной Европы, и она культивировала особую этику, связанную с лютеранством и пиетизмом. Именно лютеранство во многом определило развитие страны. В соответствии с учением немецкого социолога Макса Вебера, в основе всякого политического сознания лежит религиозное сознание. Наверное, так оно и есть, что и объясняет феномен Пруссии.

Если наиболее существенным в католицизме является то, что в нем ответственность социализируется, на место личной ответственности встает религиозный коллективизм, то Реформация считала это неоправданным снижением, дискредитацией божественной справедливости: никто и ничто не может снять ответственность с человека, считали протестанты. В этом подходе кроются настоящие причины буржуазного индивидуализма, особой, отличной от католицизма, этики. Учение о предопределении сделало протестантизм более мрачным, менее оптимистичным, чем католицизм (Hellpach, 1954: 69).

Но протестантизм неоднороден: лучшие устремления Реформации возникли в Германии, но они утвердились в Англии, а затем были перенесены в Америку, где и возникла первая политическая демократия, основанная на особой религиозной этике. Действительно, между немецкой разновидностью Реформации (лютеранством) и кальвинизмом, утвердившимся в Скандинавских странах, Швейцарии, Голландии, Англии, существуют довольно серьезные различия. Если кальвинизм и пуританство были религией буржуазии, осознавшей себя как ведущий общественный класс, который стремится к политической власти в целях упрочения своего положения, то Мартин Лютер занимал в этом вопросе иную позицию — квинтэссенция его политической философии сводится к формуле: «Каждый должен подчиняться власти <...> так как нет власти, которая не от Бога. Тот же, кто оказывает сопротивление власти, противодействует божественному порядку» (Jaeger, 1903: 219).

Знаменитую формулу Лютера следует понимать не в смысле беспрекословного подчинения деспотической власти князя, а в смысле лояльности власти, находящейся в полном сознании своей ответственности. Знаменательно выражение Лютера: «Единственный, кто является в государстве подчиненным, — это власть. Тот, кем она повелевает, — это раб раба». В другом своем изречении Лютер осуждает сразу и бунтовщиков и тиранов, говоря, что черню могут лучше всего править тираны, которые «подобны дубине, привязанной на шею собаке» (Ritter, 1966: 15).

Если с кальвинистской точки зрения земного оправдания можно добиться личным успехом в работе, блестящей карьерой, лютеранская же трудовая этика, как писал М. Дибелиус о прусских чиновниках, обосновывалась несколько иначе: «Старания на службе земному господину ради Господа всевышнего при очень тяжелой работе и скудном жаловании, без каких-либо грандиозных чаяний и мечтаний о карьере — вот специфически лютеранское понимание профессионального долга». Макс Вебер полагал, что лютеранство отличается от кальвинизма как отличается стремление быть сосудом божественной власти и стремление быть ее орудием. «В первом случае, — писал Вебер, — его религиозная жизнь тяготеет к мистическо-эмоциональной культуре, во втором — к аскетической деятельности. Первому типу близок Лютер, ко второму принадлежит кальвинизм» (Вебер, 1990: 150).

Лютеранство в Германии по сравнению с прочими европейскими государствами было значительной предпосылкой для модернизации. На самом деле не только кальвинизм (как показал Макс Вебер) сильно содействовал модернизации, но и лютеранство, хотя и на свой манер. Поскольку в лютеранстве церковь не являлась средоточием устремлений и воздаяний, то светская деятельность, работа получали статус исполнения профессионального долга, «призвания» (*Beruf*), что считалось исполнением высшего предназначения прямо религиозного свойства. Поскольку религиозная и светская жизнь были строго отделены друг от друга, прекратилось смешение религиозной и светской власти, и светский мир был освобожден от опеки церкви. Лютеранская церковь не была ни церковью только священников или только мирян, а скорее церковью образованных и ученых теологов. Поэтому в

Германии центральное место заняли университет, наука, книга, а это дало для модернизации значительный толчок (Nipperdey, 1986: 47).

Интереснейшей особенностью Пруссии было то, что прусская королевская династия в отличие от своих подданных-лютеран, была кальвинистской. Дед Великого курфюрста в 1713 г. обратился в кальвинизм, женившись на кальвинистке — дочери своего кумира Фридриха Генриха Оранского. Кальвинистская и лютеранская церкви в Пруссии были объединены в 1817 г., что еще более упрочило позиции абсолютистского государства, поскольку стремление к власти у Гогенцоллернов было рационализировано кальвинистской этикой, стремление к власти не выступало необузданной демонической силой, и сама власть осуществлялась методично, расчетливо, как осознанная профессиональная задача правителя, что совсем не характерно для континентальных монархий.

Роль пиетизма. Весьма характерным для развития Пруссии было учение о моральном обновлении человека — пиетизм, который обосновывал необходимость активности человека не в личных интересах (как в кальвинизме), а в интересах общности. По меткому выражению Карла Хинрикса, «если пуританство — это религия предпринимателей, то пиетизм — это религия чиновников» (Hinricks, 1964: 53).

Наиболее крупным представителем этого учения был Герман Август Франке (1663—1727). Франке с большим рвением и очень плодотворно занимался народными школами, которые до него находились в заброшенном состоянии. Пиетизм был аскетической и мистической реакцией религиозного чувства на упадок живой веры и формализацию церкви. Под воздействием идей Франке выросло много поколений прусских учителей, священников, чиновников, офицеров. Как нигде в мире государственная служба в Германии стояла на высоте.

С пиетизма начался век народных школ, реальных училищ, работных, сиротских, инвалидных домов, обставленных не карикатурными диккенсовскими уродствами, а устроенных с прусской педантичностью, основательностью, порядком. Кроме того, пиетизм удовлетворял потребность народных масс в религиозном возбуждении, на что указывал Эрнст Трельч. Романтический протест против западного рационализма — это тоже влияние пиетизма (Лихтенберже, 1914: 199).

Кредо пиетизма выразил в своем завещании прусский король Фридрих II: «Наша жизнь — это быстрый переход от момента рождения к смерти. В этом промежутке времени человек должен упорно трудиться на благо государства, которому он принадлежит» (Haffner, 1980: 60). Первенство в немецком Просвещении принадлежит тому же Фридриху II. При вступлении на трон он объявил о даровании равных прав всем вероисповеданиям в королевстве. Безусловно, его деятельность не была деятельностью либерала, но слава о прусском порядке, особенно правопорядке, превосходной организации государственного управления распространилась на всю Европу. Излишне упоминать о том, что современниками Пруссия воспринималась не как тирания, а как прогрессивное правление, несмотря на деспотизм Фридриха II. Последний, наверно, очень удивился бы, если бы узнал, что сделался героем антилиберального немецкого национализма. В этой связи Герхард Риттер весьма резонно отмечал, что национал-социализм так же радикально отличается от национализма времени Фридриха Великого, как флейтовый концерт в Сан-Суси отличается от гимна «Хорст Вессель» (Ritter, 1966: 30). Ясно, что его фигура Фридриха II до крайности противоречива: король-просветитель, реформатор, поборник терпимости, воспитатель народа, мятежник против средневековых порядков — удивительно, что при всех этих качествах Фридрих Великий долгое время почитался левыми как олицетворение реакции. На самом же деле гуманистическая традиция вовсе не была уничтожена доминирующим положением Пруссии в XIX веке (Крейг, 1999: 64).

В XVIII веке Пруссия стала классической страной бюрократии — академически образованной, хорошо вышколенной, рациональной и профессионально блестяще подготовленной. Эта бюрократия стала мотором последующей модернизации. Прусская бюрократия, несмотря на ее фундаментально консервативную ориентацию, была сторонницей частичных реформ, относительной модернизации.

Об этом не принято говорить, но в определенном смысле Пруссия на славянских землях выполняла цивилизаторскую роль, ведь не случайно районы наиболее значительной немецкой колонизации — Силезия, Познань, Померания, Богемия, Моравия, Прибалтика — наиболее развитые в промышленном отношении. Национальные меньшинства были даже представлены в бисмарковском рейхстаге, распространять нацистский обскурантизм в национальном вопросе на Пруссию нет никаких оснований. Конечно, нельзя отрицать и целеустремленной политики германизации со стороны Пруссии, но, например, политика русификации Польши осуществлялась гораздо жестче. Немецкое господство было нацелено на экономическое освоение восточных земель и их интеграцию, а российское господство — на утверждение простого политического приоритета и политического преобладания. Вследствие этого, немецкая колонизация имела качественно иные следствия, чем российское владычество. Эту разницу блестяще подметил один польский политик межвоенной поры, заявивший, что с русскими поляки потеряют только национальное государство, а с немцами — национальную душу.

В религиозном плане Пруссия была одним из самых терпимых государств Европы, если не самым терпимым. В 1689 г. Гогенцоллерны пригласили 20 тысяч французских гугенотов в Пруссию, впоследствии они приняли активное участие в жизни своей новой родины; именно гугеноты составили ядро формировавшейся прусской бюрократии, прославившейся своей деятельностью.

Религиозная терпимость Фридриха II распространялась на мусульман, евреев. Прусское государство в числе первых приступило к эмансипации евреев. Знаменитый французский мыслитель эпохи Просвещения, сформулировавший основополагающий демократический принцип «разделения властей» Шарль Луи Монтескье (1689-1755), автор классического труда «О духе законов» отметил однажды, что ни один король в Европе не удосужился прочесть его книгу, кроме прусского короля (Haffner, 1980: 41).

Удивительно, но отвращение Фридриха II ко всему немецкому доходило до того, что он не понимал величия творчества Лессинга, не говоря уже о Клопштоке и Виланде. Это отсутствие «национализма» у Фридриха II не помешало нацистам и Гитлеру сделать знаменитого прусского короля своим кумиром, даже частью национального мифа.

Прусское наследие в исторической перспективе. Тем не менее, прусский путь оказался на поверку ложным, прусское общество было всего лишь обществом верноподданных, имевших определенные свободы и правовые гарантии, но у этого общества не было возможностей (вернее, их было очень мало по сравнению с другими странами Запада) демократически влиять на политику. Немецкий политолог Мартин Грейффенхаген справедливо отмечал, что «с момента победы демократического принципа над абсолютизмом Пруссия неизбежно должна была стать реакционным государством» (Greiffenhagen, 1986: 28). Первыми пруссаками, которые попытались создать условия для демократического самоуправления, политической ответственности и активности граждан, были Штейн и Гарденберг. Барон Штейн с почтением отзывался о наследии Фридриха II, хвалил его усилия во внутренней политике. Недостатки же его правления, по мнению Штейна, заключались в самодержавии, отсутствии сословной конституции, государственного совета, где бы формировалась общая воля.

И все же, несмотря на указанные свойства Пруссии, первый крупный толчок к модернизации – это реформы начала XIX века. Во-первых, речь шла о реформировании общества: освобождение крестьян, роспуск феодально-корпоративной системы, введение гражданских свобод. Демографическая революция, урбанизация, индустриализация, капитализм – это следствия этих поначалу аграрных преобразований. Во-вторых, речь шла о реформе образования, введении общего школьного образования, реформе университетов в интересах развития науки. В-третьих, речь шла о модернизации государства. Оно стало рационально-бюрократической неличностной организацией и оно выступало против всех частных (партикулярных) интересов, ввело обязательные военную, налоговую, школьную обязанности. В-четвертых, подданные в определенной степени были эмансипированы от государственной опеки и получили определенные партикулярные права.

Прусская бюрократически-этакетическая модернизация имела безусловно либеральные цели – государство не стремилось (как в XX веке тоталитарные системы) все контролировать, а только хотело пробудить активность граждан. С другой стороны, это государство, конечно, было авторитарным (Nipperdey, 1986: 50). Это авторитарное государство, понятно, не тронуло старых элит, относящихся ко времени до модерна – землевладельцев, военных, аристократию. С другой стороны, таким образом были минимализированы политические последствия модернизации, обычно – очень тяжелые.

Объективно эпохи Фридриха II и Просвещения содействовали укреплению в немецком сознании самодовлеющей роли государства; как писал Гегель, в этом государстве нет ничего трансцендентального, оно само трансцендентальность, у которой могут быть лишь первые слуги и подданные. Если на Западе Просвещение было связано с постепенным развитием гражданских прав, то в Пруссии, по словам М. Грейффенхагена, «Просвещение проникло не только в государственный аппарат, но и в церковь. Просвещение стало содержанием протестантизма, а протестантизм – формой Просвещения. Лютеранская ориентация на государство развилась вместе с прусским Просвещением в своего рода благочестие по отношению к государству, в котором любовь к Богу была связана с государственным резонансом» (Greiffenhagen, 1986: 25).

Чисто прусское стремление к эволюционному пути и сохранению исторической преемственности в конечном счете позволило оградить от упадка и разорения крестьянство и средние слои и в значительно большей степени, чем в других европейских странах, интегрировать рабочий класс в государственную систему. Очень показательны, что даже столь убежденный либерал, как Эрнест Ренан, восхищался Пруссией, ее жесткостью, иерархией. Пруссия, по Ренану, – это единственная из европейских стран, которая смогла сохранить к концу XIX в., несмотря на весь свой реформизм (или благодаря ему), основные элементы силы: дворянство, иерархию, жесткое обращение с народом (Nolte, 1963: 79).

В бисмарковские времена традиции Фридриха II были переняты: бисмарковский рейх по социальному законодательству, порядку, правовым основам государства часто опережал Англию и Францию, где социальная активность была гораздо выше. Государство продолжало быть весьма деятельным, что лишало немцев поводов для активности, делало их законопослушными и лояльными гражданами государства. Алексис де Токвиль облек эту немецкую особенность в шутливую форму: «В Германии не может быть революции, так как революция там запрещена полицией». Чуть ли не врожденная вера пруссаков в правовое государство превосходно иллюстрируется образом правового фанатика Михаэля Кольхааса из одноименной повести Генриха фон Клейста. Невероятный правовой фанатизм Кольхааса подтверждает ироническое высказывание

Д. Б. Шоу о том, что немцы обладают способностью своим упорством превращать всякое хорошее дело в его противоположность (Eich, 1963: 27).

К тому же, несмотря на колоссальную роль и влияние государства, как в Пруссии, так и в Германии, это эффективное и функциональное государство не имело за собой духовно освященной традиции национально-государственной идеи. Если США с момента своего возникновения строили государство на мифах демократии, если в Англии и Франции государство строилось на различных интерпретациях буржуазной революции, то Пруссия, а затем Германия, как отмечал Мартин Грейффенхаген, была исключительно государством рассудка, строившимся на рациональности; прусский консерватор Адам Мюллер называл Пруссию государством-машиной. “Эффективность, – писал Мартин Грейффенхаген, – была законом, в соответствии с которым оно функционировало и благодаря которому это государство жило”. Немецкий же историк Себастьян Хаффнер придумал очень точное определение для прусской политической культуры, назвав Пруссию “государством без свойств” (Greiffenhagen, 1986: 32). Впрочем, это нисколько не помешало сделать из Пруссии национальный миф в годы Веймарской республики.

Пруссия была ликвидирована союзниками по антигитлеровской коалиции после войны как оплот реакции и милитаризма. Действительно, в отдельные периоды своей истории Пруссия была реакционным государством; а какое государство не было таковым когда-либо? То же следует сказать и о милитаризме. Фридрих II вел агрессивную внешнюю политику, нацеленную на расширение собственного господства, но разве Карл XII, Петр I, Екатерина II не делали то же самое? В разгар Второй мировой войны американский юрист Квинси Райт подсчитал, что с 1480 по 1940 г. чаще всего в войнах принимала участие Великобритания – 28% случаев, затем следуют Франция, Испания, Россия, Австрия, Турция, Польша, Италия, а германский рейх (включая войны Пруссии), несмотря на свое центральное положение в Европе, со своими 8% стоит на 9-м месте (Mehnert, 1967: 32).

Следует отметить, что в период Веймарской республики Пруссия, наоборот, была оплотом социал-демократии, республики, порядка. Министр президента Пруссии с оттенком шутки, но уважительно, называли “прусским королем”, поскольку в отличие от других земель и от Германии в целом, где постоянно происходила правительственная чехарда, правительство Отто Брауна бесценно находилось у власти весь период Веймарской республики. Еще более примечателен факт, что Пруссия не была представлена в верхнем эшелоне власти нацистов и, наоборот, консервативное сопротивление (движение 20 июля 1944 г.) составили почти исключительно пруссаки. После заговора 20 июля 1944 г. нацисты уничтожили лучших представителей прусского дворянства, что означало конец немецкой политической элиты старых времен. Ушло в прошлое пруссачество, которое долгое время представляло из себя “тесную связь подчеркнута солдатского духа и христианско-евангелического этоса. Прусский стиль – это чувство долга, скромность, умеренность, правовой порядок в государстве. От прусских королей не проведешь прямую линию к Гитлеру, поскольку экстремальный радикализм национал-социализма нашел своего вождя в австрийке католической веры, а прусский трезвый дух кальвинизма и Просвещения отвергал этот радикализм” (Grebing, 1964: 137).

5. Заключение

Ныне понятно, что апелляции к Пруссии связаны с тоской по порядку и дисциплине. По этой причине много лет спустя после 1945 г. прусские символы взяли на вооружение даже власти ГДР: Сан-Суси, памятник Фридриху Великому на Унтер ден Линден, голландский квартал в Потсдаме, Новая Вахта Карла Фридриха Шинкеля в центре Берлина....

После объединения Германии в 1990 г. стало ясно видно, как далека Западная Германия от понимания Пруссии – в старой ФРГ более склонялись к конституционному патриотизму, а не национальному, поэтому там ни на момент не допускают возвращения Пруссии в общественном сознании. Свидетельством тому является то, что при перезахоронении останков Фридриха Великого в 1991 г. канцлер присутствовал на церемонии, но как частное лицо, дабы соблюсти дистанцию к прусскому прошлому.

Несмотря на нынешнюю немецкую политкорректность по отношению к прусскому наследию, и, не взирая на то, что Пруссия не может быть освобождена от вины за нацизм, но и делать из нее козла отпущения за нацизм не следует, отмечал Себастьян Хаффнер (Haffner, 1985: 35). Иными словами, по всей видимости, приказ Союзного контрольного совета № 46 от 23 февраля 1946 г. о ликвидации Пруссии как «оплота милитаризма и реакции в Германии» следует признать скорее актом эмоциональным, нежели основанным на объективных оценках, чего было трудно ожидать от победителей после окончания самой ужасной из всех войн.

С другой стороны, без знаменитой прусской милитаристской традиции и безупречной воинской организации нацисты остались бы нулями в войну, ибо в нацистской системе доминировала не организация, а скорее дезорганизация и борьба компетенций. Ставить это в вину Пруссии, однако, совершенно неправомерно, ибо прусский служебный этос и организация были действительно образцовыми и достойными подражания. Исходя из этого, надо признать, что история Пруссии должна быть постепенно освобождена от одностороннего рассмотрения и возвращена в европейский контекст.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

Литература

- Вебер, 1990 - Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вишнев, 2012 - Вишнев М.Р. Национальная идея и география в Германии: Ф. Науманн и К. Хаусхофер // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 100–103.
- Иваняков, 2006 - Иваняков Р.И. Переписка Бисмарка как источник изучения его деятельности в период нахождения на посту посланника в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2006. Вып. 3.
- Крейг, 1999 - Крейг Г.Э. Немцы. М.: Ладомир, 1999.
- Крейцберг, 2012 - Крейцберг К.А. «Новый национализм» Юнгера как часть немецкой «консервативной революции» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 95–99.
- Лихтенберже, 1914 - Лихтенберже А. Современная Германия. М.: М. и С. Сабашниковы, 1914.
- Clark, 2007 - Clark Chr. M. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600-1947. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2007. 896 p.
- Dönhoff, 2009 - Dönhoff M. Preußen. Maß und Maßlosigkeit. München: Siedler Verlag, 2009. 80 p.
- Eich, 1963 - Eich E. Die unheimlichen Deutschen. Düsseldorf, Wien: Econ-Verl., 1963.
- Epkenhans, 2011 - Epkenhans M. Preußen. Aufstieg und Fall einer Grossmacht / M. Epkenhans, Groß G., B. Köster. Stuttgart: Theiss, 2011. 216 p.
- Gall, 2007 - Gall L. Bismarck, Preußen und nationale Einigung // Historische Zeitschrift. 2007. Bd. 285. H. 5. p. 355-372.
- Grebing, 1964 - Grebing H. Der Nationalsozialismus. München: Olzog, 1964.
- Greiffenhagen, 1986 - Greiffenhagen M. Von Potsdam nach Bonn. München: Piper, 1986.
- Haffner, 1980 - Haffner S. Preußische Profile / S. Haffner, W. Venohr. Königstein/Ts.: Athenäum, 1980. 268 p.
- Haffner, 1985 - Haffner S. Im Schatten der Geschichte. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1985.
- Haffner, 1989 - Haffner S. Von Bismarck zu Hitler. Ein Rückblick. München: Kindler, 1989. 330 p.
- Hellpach, 1954 - Hellpach W. Der deutsche Charakter. Bonn: Athenäum-Verl., 1954.
- Hinricks, 1964 - Hinricks C. Preußen als historische Problem // Gesammelte Abhandlungen des Deutschen Lederinstituts Freiberg, Sachsen. Berlin: Akademie-Verl., 1964.
- Jaeger, 1903 - Jaeger G. Die politischen Ideen Luthers // Preußische Jahrbücher. 1903. Bd. 113.
- Kugler, 2012 - Kugler F. Friedrich der Große. Berlin: Jazzybee Verlag, 2012. 439 p.
- Mehnert, 1967 - Mehnert K. Deutsche Standort. Stuttgart: Dt. Verl. Anst., 1967.
- Nipperdey, 1986 - Nipperdey T. Nachdenken über die deutsche Geschichte. München: Beck, 1986.
- Nipperdey, 1993 - Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: Verlag C.H. Beck, 1993. 838 p.
- Nolte, 1963 - Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München: Piper, 1963.
- Preußen, 2008 - Preußen: Die unbekannte Großmacht / S. Burgdorff, S. Beyer (Hg). München: Dt. Verl.-Anst.; Hamburg: Spiegel-Verl., 2008. 318 p.
- Ritter, 1966 - Ritter G. Das deutsche Problem. München: Oldenbourg, 1966.

References

- Veber, 1990 - Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Progress, 1990.
- Vishnev, 2012 - Vishnev M.R. Natsional'naya ideya i geografiya v Germanii: F. Naumann i K. Khauskhofer // Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni. 2012. № 8. S. 100–103.
- Ivanyakov, 2006 - Ivanyakov R.I. Perepiska Bismarka kak istochnik izucheniya ego deyatel'nosti v period nakhozhdeniya na postu poslannika v Sankt-Peterburge // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. 2006. Vyp. 3.
- Kreig, 1999 - Kreig G.E. Nemtsy. M.: Ladomir, 1999.
- Kreitsberg, 2012 - Kreitsberg K.A. «Novyi natsionalizm» Yungera kak chast' nemetskoj «konservativnoi revolyutsii» // Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni. 2012. № 8. S. 95–99.
- Likhtenberzhe, 1914 - Likhtenberzhe A. Sovremennaya Germaniya. M.: M. i S. Sabashnikovy, 1914.
- Clark, 2007 - Clark Chr. M. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600-1947. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2007. 896 p.
- Dönhoff, 2009 - Dönhoff M. Preußen. Maß und Maßlosigkeit. München: Siedler Verlag, 2009. 80 p.
- Eich, 1963 - Eich E. Die unheimlichen Deutschen. Düsseldorf, Wien: Econ-Verl., 1963.
- Epkenhans, 2011 - Epkenhans M. Preußen. Aufstieg und Fall einer Grossmacht / M. Epkenhans, Groß G., B. Köster. Stuttgart: Theiss, 2011. 216 p.
- Gall, 2007 - Gall L. Bismarck, Preußen und nationale Einigung // Historische Zeitschrift. 2007. Bd. 285. H. 5. p. 355-372.
- Grebing, 1964 - Grebing H. Der Nationalsozialismus. München: Olzog, 1964.

- Greiffenhagen, 1986 - Greiffenhagen M. Von Potsdam nach Bonn. München: Piper, 1986.
Haffner, 1980 - Haffner S. Preußische Profile / S. Haffner, W. Venohr. Königsten/Ts.: Athenäum, 1980. 268 p.
Haffner, 1985 - Haffner S. Im Schatten der Geschichte. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst, 1985.
Haffner, 1989 - Haffner S. Von Bismarck zu Hitler. Ein Rückblick. München: Kindler, 1989. 330 p.
Hellpach, 1954 - Hellpach W. Der deutsche Charakter. Bonn: Athenäum-Verl., 1954.
Hinricks, 1964 - Hinricks C. Preußen als historische Problem // Gesammelte Abhandlungen des Deutschen Lederinstituts Freiberg, Sachsen. Berlin: Akademie-Verl., 1964.
Jaeger, 1903 - Jaeger G. Die politischen Ideen Luthers // Preußische Jahrbücher. 1903. Bd. 113.
Kugler, 2012 - Kugler F. Friedrich der Große. Berlin: Jazzybee Verlag, 2012. 439 p.
Mehnert, 1967 - Mehnert K. Deutsche Standort. Stuttgart: Dt. Verl. Anst., 1967.
Nipperdey, 1986 - Nipperdey T. Nachdenken über die deutsche Geschichte. München: Beck, 1986.
Nipperdey, 1993 - Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800-1866. Bürgerwelt und starker Staat. München: Verlag C.H. Beck, 1993. 838 p.
Nolte, 1963 - Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München: Piper, 1963.
Preußen, 2008 - Preußen: Die unbekannte Großmacht / S. Burgdorff, S. Beyer (Hg). München: Dt. Verl.-Anst.; Hamburg: Spiegel-Verl., 2008. 318 p.
Ritter, 1966 - Ritter G. Das deutsche Problem. München: Oldenbourg, 1966.

УДК 94(430)"15/19"

Феномен Пруссии и его искажение в истории

Олег Юрьевич Пленков^{а, *}, Владимир Николаевич Барышников^а, Виктор Николаевич Борисенко^а, Владимир Леонидович Пянкевич^а, Нина Эдуардовна Адамова^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье речь идет о феномене Пруссии – некогда самом крупном континентальном европейском протестантском государстве. Главная проблема, связанная с этим феноменом в том, что вследствие трагических для всей Европы событий Второй мировой войны прусская история и прусское наследие подверглись значительным искажениям, связанным с потребностью как-либо компенсировать ужасающие жертвы, которые народы, участвовавшие войне, принесли на алтарь победы. Расхожий европейский стереотип состоял в том, что Пруссия считалась оплотом милитаризма, и как таковая должна была нести ответственность за происшедшее во время войны.

К сожалению, этот стереотип искажения прусского наследия в угоду ложной политкорректности поддерживает значительная часть современной немецкой историографии, вероятно, в качестве части покаяния за национал-социализм и его преступления.

Но прусская традиция и история значительно шире этого милитаризма, в чем же именно, – и обсуждается в данной статье. Авторы полагают, что в историографии не должно оставаться предвзятых и партийных мнений, что любой объект должен рассматриваться *sine ira et studio*. Тем более, что если Великую Французскую революцию можно считать юридической, Великую Октябрьскую революцию – социальной, то прусскую революцию «сверху», проведенную первыми Гогенцоллернами, можно считать педагогической революцией. И эта революция принесла действительно позитивные перемены, о которых и идет речь в статье. Французская революция и после 1789 г. не изменила алчности буржуазии, а деспотизм начальства и пассивность масс оставались неизменными в России и после 1917 г. Что касается прусского наследия, то без него немыслима современная ФРГ с ее правопорядком и эффективной ответственной администрацией.

Ключевые слова: Пруссия, ФРГ, пиетизм, прусское Просвещение, Фридрих II, Гогенцоллерны, Веймарская республика, нацизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: o.plenkov@spbu.ru (О.Ю. Пленков), v.baryshnikov@spbu.ru (В.Н. Барышников), v.borisenko@spbu.ru (В.Н. Борисенко), v.pyankewich@spbu.ru (В.Л. Пянкевич), n.adamova@spbu.ru (Н.Э. Адамова)